

Остановиться, оглянуться *Веч. клуб - 1995. - 15 июля. -*

В доме доктора Чехова жила охрана Берии

Москва, не поставившая Чехову памятника, Чехова любит. Москва сама — памятник Чехову, как и вся провинциальная Россия, как и безыдейная, утомленная эпоха, как и пресловутое метание пресловутой русской интеллигенции на пресловутом историческом вираже. Человек по-прежнему воспевают свое неумение вписаться в реальность, и изощренность рассуждений о чем-то высоком и полезном — лишь лихорадочное самооправдание, способ скрыть от себя самого свое малодушие, из-за которого «идеальные стремления не поднимают, а только заставляют страдать человека и создают этих хмурых, нудных людей, Ивановых, Трех Сестер, Тузенбахов, Астровых, Ионычей, Лаевских...» (С. Булгаков, «Чехов как мыслитель»). Заложниками пугливой памяти и боязни встречи с новым становятся вещи, немые свидетели утраченного ощущения полноты жизни. И лишь проницательная шутовскость (не зря же Чехов называл свои пьесы комедиями) может понять причитания слабости, слагающей оду шкафу, постичь определяющую роль вещи в отдельно взятой частной драме. Но как жить с грузом неумолимого знания о торжестве пошлости, о невозможности ничего исправить и улучшить? Можно ли поддаться его глумлению, либо призвать на помощь мудрую иронию, спасую не одно поколение страдавших от банальности бытия.

... В музее Чехова на Садово-Кудринской обнаружить признаки жестокого знания можно только в двух «тематических» залах — в хранящихся под стеклом письмах, черновиках, записках, книгах. В зале, посвященном жизни и творчеству Чехова в 80-е годы (раньше в «первой половине первого этажа» была людская и кухня), можно увидеть еще и «билет на право слушания лекций Императорского Московского Университета студенту медицинского факультета второго курса Антону Чехову», и 10-й номер «Стрекозы» за 1880 год с его первыми публикациями, и циркулярное письмо начальника острова Сахалин с приказом о «неотступном наблюдении» за любопытным «лекарем». Можно вспомнить о талантах других членов многочисленного семейства, перелистав альбом с публикациями в юмористических журналах Александра (ныне известного благодаря славе своего сына Михаила, создателя оригинальной театральной системы, и Антона Пав-

ловина, во многом обязанного старшему брату своими литературными дебютами) и иллюстрациями Николая (необходимостью подчинения вкусам редакторов угробившего свой дар живописца).

Правая половина второго этажа, когда-то отведенная под столовую и комнату родителей, посвящена творческой и общественной деятельности Чехова в 1890 — 1900-е годы. Здесь представлены книги, письма, гранка с цензорским вмешательством в «Мою жизнь», «Петиция русских писателей о стеснениях печати» (Чехов подписанся первым), «Записки о голоде 1892 г.», медаль за труды по первой всеобщей переписи населения 1897 года.

Другие комнаты обставлены почти так же, как и при Чеховых. Кудринский дом — «комод» («цвет дома либеральный, то есть красный») принял своих очередных «съемщиков» 27 августа 1886 года. Жили шумно, открыто, несмотря на постоянное безденежье. Кроме поселившихся от-

дельно Александра, Ивана, Николая, уютная гостиная на втором этаже заманивала Григоровича, Гиляровского, Левитана, Шехтеля, артистов, художников, литераторов, музыкантов, врачей, педагогов. А ежедневно с 12 до 3 внизу в своем кабинете «доктор Чехов» принимал своих (как правило, очень небогатых) пациентов. Здесь же были написаны «Степь», «Скучная история», «Иванов», «Медведь», «Предложение», около ста рассказов.

Ничего мистического подлинные вещи не излучают. Обыкновенный кабинет, через который можно было пройти в обыкновенную спальню (все вещи, вплоть до простыней с вышитым «А.Ч.», подлинными) и в обыкновенную комнату Михаила (кстати, младший Чехов, окончивший юридический факультет, тоже выбрал литературство). Вся необыкновенность в том, что обыкновенные вещи окружали необыкновенного человека, который, впрочем, их и не боготворил.



В комнату Марии на втором этаже можно пройти через гостиную. Круглое зеркальце, шкапулка для рукоделья, швейная машинка, мольберт помнят ее прикосновения. Верная помощница «добровольного главы семьи» (Антон Павлович) в творческих и хозяйственных делах не чужда была искусству, но все силы отдала семье и, после смерти брата, служению его памяти. Привела в порядок его литературное наследие, подготовила к публикации его переписку, сохранила ялтинский дом и заведовала им после его преобразования в музей. Это по ее планам-эскизам и по уцелевшим рисункам Михаила воссоздана обстановка дома на Садово-Кудринской, 6.

После революции он превратился в коммуналку. А потом приглянулся еще одному Павловичу: Лаврентий Берия, живший неподалеку, захитнул в «либерально-красный комод» свою охрану. Так что возможность создать музей появилась лишь в 1954-м, через 50 лет после кончины Чехова. Кстати, поклониться его памяти можно, придя в субботу, 15 июля (день смерти), на вечер в этот музей.

Вера КАТКОВА.